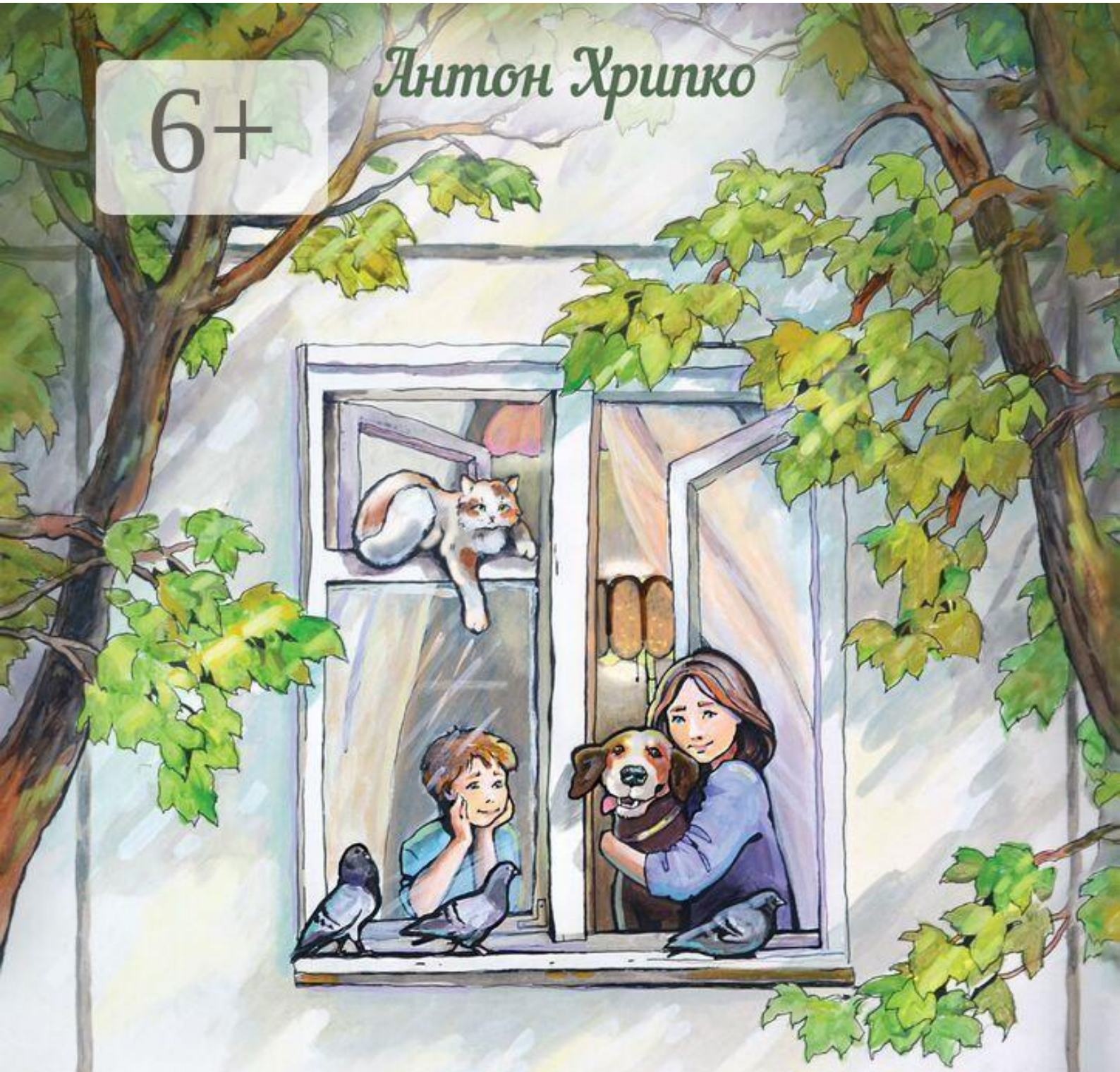
6+

Антон Хрипко



Бобик, Мурзик и все-все-все

21 история

Антон Хрипко

Бобик, Мурзик и все-все-все

«Издательские решения»

Хрипко А.

Бобик, Мурзик и все-все-все / А. Хрипко — «Издательские решения»,

В одном областном центре СССР, в самой обычной пятиэтажке, живёт семья: мама, папа, их дети — школьники Ася и Тёма, а также весёлый пёс Бобик и флегматичный кот Мурзик. Пока дети в школе, а родители на работе, Бобик с Мурзиком ведут длинные беседы, спорят, философствуют и рассказывают друг другу историиЖизнь этой дружной семьи полна неожиданностей и забавной суеты.Историй этих набралось так много, что надолго хватит для неторопливого чтения ребёнку перед сном.

© Хрипко А.
© Издательские решения

Содержание

Про часы 7
Терпение 13
Страхи 17
Портфель 23
Варежки 30
Охота в квартире 37
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Бобик, Мурзик и все-все-все

Антон Хрипко

Редактор Юлия Зеленская
Иллюстратор Ольга Меньшикова
Дизайнер обложки Юлия Неприятель
Оформление обложки Артём Хрипко
Иллюстратор Андрей Елисеев

© Антон Хрипко, 2026
© Ольга Меньшикова, иллюстрации, 2026
© Юлия Неприятель, дизайн обложки, 2026
© Андрей Елисеев, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-8138-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

#
#
#

#

#

В одном областном центре СССР, в самой обычной пятиэтажке, живёт семья: мама, папа, их дети — школьники Ася и Тёма, а также весёлый пёс Бобик и флегматичный кот Мурзик. Пока дети в школе, а родители на работе, Бобик с Мурзиком ведут длинные беседы, спорят, философствуют, комментируют всё, что происходит вокруг, и рассказывают друг другу истории

Жизнь этой дружной семьи полна неожиданностей и забавной суеты. То нужно найти потерянный портфель, пока след не остыл. То разобраться с таинственным похитителем вкусняшек, который оказывается совсем не тем, кем кажется. То выяснить, зачем коту четыре ботиночка, которые он никогда не надевает. А уж когда вся семья летом отправляется в деревню — приключениям и смеху нет конца!

Историй этих набралось так много, что надолго хватит для неторопливого чтения ребёнку перед сном.

Перед вами первый сборник — двадцать один рассказ. Двадцать один повод заснуть с улыбкой и проснуться в предвкушении новых историй.

Про часы

Тёма с Асей были в школе, родители на работе, а Бобик и Мурзик слонялись без дела по квартире. Бобик слонялся так — ходил из одного угла в другой, часто дышал, останавливался и смотрел на Мурзика.

А Мурзик сидел, как всегда, на подоконнике, глядел в окно, поворачивая голову то влево, то вправо, и, как это водится у котов, в противоположную сторону слегка двигался его хвост.

Бобик сначала следил за Мурзиком, потом за его хвостом, потом за птицами за окном, а потом стал следить за своим собственным хвостом. А потом опять ходил из угла в угол. И тут Мурзик ему говорит:

— Что ты маешься, сейчас Тёма придёт.

— Откуда ты знаешь? Ты всегда мне говоришь: «Сейчас Тёма придёт», — и Тёма приходит. Вот откуда ты знаешь? Наверное, ты его видишь там на улице? — спросил Бобик и застыл.

— Нет, — отвечает Мурзик. — Смотри, когда я вижу его, я говорю: «Тёма идёт». А когда я знаю, что он придёт, но не вижу его, я говорю: «Сейчас Тёма придёт».

— Аааа… понял! — радостно гавкнул Бобик, но тут же задумался и спросил:

— Так! А откуда ты знаешь, что он сейчас придёт?

— Как откуда? По часам, конечно! Тёма всегда вовремя приходит, — весьма равнодушно ответил Мурзик.

Тут Бобик замер на месте, у него отвалилась челюсть, округлились глаза, и он спросил Мурзика:

— Ты что, понимаешь время на часах?

— Конечно. Ну, не так точно, как люди, но приблизительно понимаю.

— Как же так, — огорчился немного Бобик, — мы с тобой живём вместе так давно, а ты мне ни разу не говорил, что ты можешь часы понимать.

— Ты не спрашивал, — ответил Мурзик. — Да, понимаю. А ты нет? Ты мне ни разу не говорил, что не понимаешь!

— Нет, не понимаю, — помотал головой Бобик. — Я вижу, что там на часах какие-то хвосты медленно крутятся. Но что это такое, не знаю.

— Таак! — громко мяукнул Мурзик. — Ну, я сейчас тебе всё объясню. Это просто. Только погоди! Слышишь, Тёма идёт.

И действительно, только Мурзик это сказал, как послышалась возня у двери, звяканье ключа, и вот уже дверь открылась, и вошёл Тёма.

Бобик сразу понял, что у Тёмы что-то случилось. Тёма стоял очень грустный. Медленно снимал обувь, медленно снимал шапку, медленно расстёгивал куртку и вешал её на вешалку. Бобик крутился у ног Тёмы и хотел помочь ему, как мог — то есть всячески мешал, пытался хвостом покрутить посильнее и, прыгая, достать до лица и лизнуть. Но было видно, что у Тёмы всё плохо, настроение у него было мрачное. Бобик понял, что можно переусердствовать. То есть не надо слишком прыгать вокруг Тёмы, а то он обидится. А Мурзик так и сидел на подоконнике, поглядывая то на улицу, то на Тёму, то на Бобика.

Тёма вошёл в комнату, бросил портфель под стол, сел, подпёр рукой голову и стал смотреть в окно. Ясно было, что у него точно что-то случилось. Но тут опять послышалось звяканье ключей, входная дверь открылась, и вошла Ася, Тёмина сестра. Ася была как всегда весёлая, стала трепать за уши Бобика, погладила Мурзика и взъерошила волосы на голове Тёмы. Но тут она тоже поняла, что у Тёмы что-то случилось:

— Тёма, что с тобой?

— В школе плохую отметку получил, — грустно ответил Тёма.

— За что?

— Я не очень понимаю, как время на часах обозначено.

— Ничего себе! — возмутилась Ася. — Я же тебе рассказывала!

— Ну да, — отвечает Тёма, — но я что-то подзабыл. Ну, так, приблизительно знаю, а точно нет.

— Ничего, — успокоила его Ася. — Пойдём поедим, и я тебе всё опять расскажу.

И они ушли на кухню. Бобик на секунду остался в комнате и говорит Мурзику:

— Вот видишь? И ему нужно знать, как устроено время. И мне нужно знать. А то только ты знаешь и Ася, как же так?

— Сейчас Ася Тёме будет рассказывать, — ответил Мурзик, — ты послушай, и тебе тоже всё будет понятно.

Бобик поспешил на кухню, потому что там запахло едой.

Ася с Тёмой поели, поговорили про школьные дела, налили себе по большой чашке чая с сахаром, угостили Бобика вкусненьким, и все вернулись назад в комнату. Ася достала со шкафа игрушечные часы со стрелочками и стала Тёме рассказывать:

— Вот это три часа ровно, а это шесть часов ровно, а это девять. Покажи, Тёма, как будет 4:50. Нет, не так. Будет вот так.

И они сидели и занимались, сидели и занимались. То Тёма неправильно скажет, то Ася поправит, а то и она сама неправильно покажет со словами: «Ну, Тёма! Ты меня сам с толку сбиваешь!» В общем, на этом объяснении Бобик заснул.

Собаки часто засыпают, когда видят, что люди вокруг говорят про что-то непонятное. Бобик сначала пытался вникнуть в разговор, а потом сообразил, что невозможно понять, что они обсуждают. И лучше немного поспать, так как потом Мурзик всё равно быстро объяснит нормальным языком.

Потом пришли родители, потом Тёма рассказывал родителям, что он получил плохую оценку. Потом Ася рассказывала родителям, что они с Тёмой уже позанимались. Потом мама решила проверить, как Тёма всё понял. В общем, весь вечер была какая-то кутерьма про часы и стрелки. Конечно, досталось внимания и Бобику с Мурзиком, их покормили и даже долго гуляли с Бобиком на улице.

И до самого позднего вечера всё было очень хорошо. Только Бобик помнил, что надо будет Мурзика всё равно попросить объяснить про часы. Но уже был вечер, и было уже не до этого. Все заснули. Стало тихо.

А утром все быстро позавтракали, похватали свои портфели, сумки и убежали. И опять стало тихо. Опять Мурзик сидел на подоконнике и смотрел в окно.

И тут Бобик понял, что как раз настало время, чтобы Мурзик ему всё объяснил.

— Мурзик, расскажи про часы, — попросил Бобик.

— А, точно! — встрепенулся Мурзик. — Это очень просто. В часах есть два хвоста: один большой, длинный и худенький. Видишь? А второй толстый и короткий. Вот длинный и худенький — это как у меня. А такой коротенький и толстенький — это как у тебя. Понял?

— Конечно, понял! Два хвоста — твой и мой. Мне всё ясно.

— Теперь смотри, в часах вот этот длинный худенький хвост ничего не значит. Ты даже не обращай на него внимания. Это люди себе придумали, что он чего-то значит. Они всегда очень много слов про него говорят. Наше кошачье или собачье дело — это короткий хвост. Вот этот коротенький. Видишь?

— Вижу.

— Помни, на длинный хвост не надо смотреть, только на короткий!

— Понял, понял, — закивал Бобик.

— Теперь смотри. Короткий хвост крутится всё время. Ты знаешь, в какую сторону?

— Да, Мурзик, конечно! Вот так вот он крутится, как солнце за окном. Вот так вот.

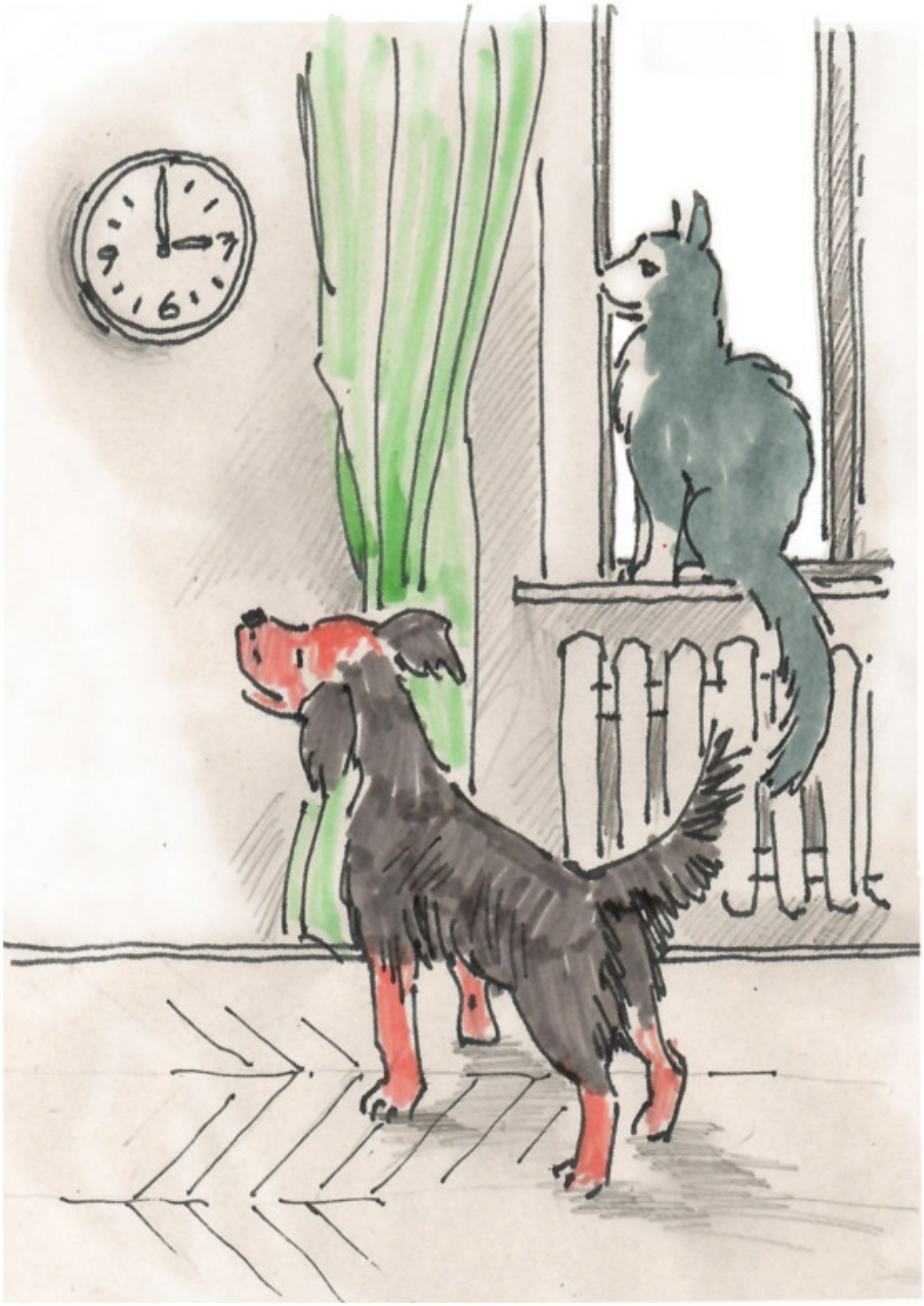
— Вот! Молодец! — довольно кивнул Мурзик. —Внимательный! Действительно, он крутится, как солнце за окном, слева поднимается, идёт по верху, уходит справа вниз. Правильно! Значит, так. Люди эти хвосты в часы повесили в честь нас, животных. И часы они сделали в честь нас, животных, в знак тебя, меня и других животных. Понял?

— Конечно, понял. Они же нас любят!

— Так вот, — продолжил Мурзик, — этот короткий хвостик и обозначает время.

Мурзик говорил важно, как настоящий учёный кот:

— Вот этот длинный хвост, который вращается очень быстро, я не знаю, что он обозначает. Это не важно ни мне, ни тебе. А вот короткий, он обозначает время. Когда короткий хвост вверх — это значит день. Это значит, все животные проснулись, бегают хвостом кверху. Ты бегаешь днём хвостом кверху, я бегаю днём хвостом кверху. И вот чем выше этот хвост на часах, тем больше дня. Когда вот он слева немножечко не доходит до верха, или когда справа уже уходит от верха, это значит не самый день. Когда слева не доходит — это значит, что сейчас утро, и хвост только поднимается. Наш хвост, правильно, твой, мой. У всех животных хвост утром поднимается, а потом потихонечку опускается, потому что вечер и уже пора спать. Правильно?



— Правильно.
— Вот и всё.
— Как всё? — Бобику показалось, что тут какой-то подвох. Неужели так всё просто?!

— Всё! — ответил Мурзик. — Хорошо, ещё раз тогда: вот когда хвост коротенький тут, — и Мурзик лапой показал угол наклона короткой стрелки, — Тёма приходит из школы. А когда хвост вот тут вот слева ещё так чуть-чуть вверх идёт, это все уходят на работу и в школу. Понятно?

— Да! Теперь я всё понял! — восторженно отвечал Бобик. — Ты такой молодец, Мурзик! Вообще молодец!

— Только погоди ещё! — продолжал польщённый Мурзик назидательным тоном. — Вот короткий хвост уходит вниз, и когда он в самом нижнем положении — тогда уже вечер, мы уже все погуляли, и мы хотим спать. Солнышко уходит, становится темно, и мы ложимся спать. Понятно?

— Понятно. Но я ночью не сплю. Я всех вас сторожу.

— Я в курсе, — вежливо заметил Мурзик. — Но о часах я тебе всё уже рассказал, — завершил он довольно.

Но Бобик не унимался:

— Ну как же, вот мы ложимся спать, а короткий хвостик-то опять поворачивается и опять идёт кверху ночью, я же вижу! Я-то не сплю. Всех караулю!

— А это неизвестно, — ответил Мурзик, зевая. — В комнате темно, мы не должны знать, где хвост. Может, он кверху, может, книзу. Мы засыпаем, а когда просыпаемся, хвост опять внизу. Правильно? Коротенький хвост опять внизу. Вот и всё. Зачем нам знать, что там ночью происходит? Это люди себе придумали что-то. У них ночью этот хвостик продолжает крутиться. Нам нет до этого дела. Может, они сами не догадываются, что короткий хвост надо останавливать на ночь. Наша задача ночью спать, мы только днём хвост видим. Тогда мы знаем, какое время. Понятно?

— Понятно, — ответил Бобик немного разочарованно.

— Теперь смотри, сейчас что с хвостами?

— Сейчас короткий хвост наверху, это значит день.

— Правильно. Ты молодец! — ответил довольный Мурзик. — А теперь жди, когда хвост будет вот тут, вот в этом месте, тогда Тёма и придёт из школы.

— Хорошо, — кивнул Бобик, сел перед часами и стал ждать.

Прошло некоторое время. Мурзик сходил пожевать что-то в своей миске, попил воды и запрыгнул опять на подоконник.

— Ну, как дела? — спросил он Бобика.

— Всё хорошо, наблюдаю за толстым хвостом. Только вот этот длинный тонкий хвост мешает. Он всё время вращается.

— Ну да, а что делать.

— А давай мы его снимем? — предложил Бобик.

— Ты хочешь вот так прямо взять и испортить часы? Людям же нужен этот тонкий хвост. Тёма, например, именно из-за него получил плохую отметку — не знал, как понимать этот длинный хвост. Поэтому ты на длинный хвост внимания не обращай, терпи его, а смотри только на короткий.

— Хорошо, — грустно ответил Бобик и так и просидел перед часами, пока этот короткий хвостик не наклонился к тому времени, когда приходит Тёма.

Когда хвост стал подходить к нужному положению, Бобик тихо сказал сидевшему, как всегда, на подоконнике Мурзику:

— Мурзик, у меня-то глаз зоркий, вот сейчас, вот сейчас вот Тёма должен появиться во дворе. Лови его там.

— Сейчас посмотрю, — ответил Мурзик и изогнул шею, чтобы смотреть вниз. — О! Точно! Идёт! Молодец, Бобик! Всё, ты теперь понимаешь, как работают часы!

И точно, очень скоро появился Тёма, довольный, потому что он в школе всё объяснил про часы и получил свою пятёрку.

Конечно, Тёма стал гладить Бобика, уделил внимание и Мурзику. Потом пришла Ася. Тёма тут же её порадовал, что она ему всё правильно объяснила. И опять они разговаривали друг с другом об этом длинном хвосте, который быстро крутится непонятно зачем.

Бобик-то уже знал, что это всё глупости. «Главное, — размышлял он, — это короткий хвост, который люди придумали именно в честь домашних животных. Скорее всего, в честь собак».

Теперь Бобик знал, что все часы, которые люди ставят в городе или носят у себя на руке или где угодно — это всё устройства, которые сделаны в честь домашних животных, у которых хвосты работают точно как часы.

Терпение

Утром Бобик и Мурзик услышали, как мама с папой ругаются. Мама кричала на папу: «У меня уже терпения не хватает!» И ещё говорила про то, что он что-то не так сделал, забыл холодильник закрыть, что-то спутал, что-то испортил, кому-то не позвонил. А папа говорил: «И у меня терпения не хватает», — и тоже на неё кричал и вспоминал, что мама не так сделала. Или забыла сделать.

Ася и Тёма поэтому ходили грустные. Им очень не нравилось, когда мама с папой ругаются.

В конце концов мама и папа быстро молча оделись и порознь ушли на работу, при этом каждый из них хлопнул дверью.

Ася с Тёмой остались собираться в школу в грустном настроении и без обычных шуточек и бодрости.

Ася вздыхала и говорила:

— Тём, а вот у меня терпения хватает тебя терпеть.

— Ась, и у меня терпения хватает, — отвечал Тёма. — Вот только не понимаю, почему у мамы с папой терпения не хватает. А у нас с тобой терпения хватает, правда, Ась?

— Правда, Тёма.

Они медленно и грустно собирали свои портфели, так же грустно завтракали и тоже потом ушли. Но вместе, как обычно.

Воцарилась тишина. Мурзик залез на подоконник и следил, как Тёма с Асей прошли двор и скрылись за соседним домом. Бобик стал ходить из угла в угол.

— Слышал? — спросил Мурзик.

— Слышал, — ответил Бобик.

— Они поссорились?

— Да, поссорились, — подтвердил Бобик.

— Опять.

— Почему опять? В прошлый раз это было ещё под Новый год. Это не опять. Это снова.

— Нет разницы, — заметил Мурзик, — но спорить не стану. И что будем делать?

Бобик ходил из угла в угол и молчал. Мурзик следил за ним с высоты подоконника и тоже молчал. Наконец Бобик сказал:

— Я никак не могу понять.

— Что ты не можешь понять? — переспросил Мурзик.

— Не могу понять, почему у них терпение кончилось.

— А у тебя не кончилось?

— Вот, думаю, — ответил Бобик и продолжил ходить из угла в угол.

— Тогда давай вместе думать, — предложил Мурзик.

— Давай думать, Мурзик. Где у нас терпение? Как оно выглядит хотя бы? Что это такое?

Мурзик тоже задумался, спрыгнул на пол и стал ходить вместе с Бобиком. Но так как Бобик ходил быстрее, то Мурзик просто сидел в центре комнаты и только порывался идти за своим другом то налево, то направо.

— Мурзик, я всё думаю, думаю, что такое терпение.

— И я тоже думаю, что такое терпение, — сказал Мурзик.

И они оба надолго замолчали. Бобик долго ходил молча, иногда останавливался, чесал за ухом, иногда выходил в прихожую и нюхал там дверь и тапочки. Мурзик тоже сначала ходил, но по кругу в комнате. Нюхал ножки стола и стульев. Запрыгивал на стулья. Потягивался и тоже чесался. Но молчал. А потом не выдержал и спросил Бобика:

— Надумал?

— Нет. Ещё думаю. А ты?

— Я тоже думаю, — ответил Мурзик.

Так прошло полдня. Они уже исходили всю квартиру и по два раза всю её изнюхали и почти всю воду вылакали и доели всё, что им оставили в мисках. И всё молчали и молчали. Мурзик даже ни разу не запрыгнул на свой подоконник.

И вдруг уже после полудня Бобик закричал:

— Я догадался, я понял, что такое терпение!

— Что? — спросил ошарашенный Мурзик.

— Моё терпение — это мой поводок. Моё самое сильное терпение — мой поводок. Точно!

— Я не понял, — ответил удивлённый Мурзик.

— Ну как это не понял?! — начал возбуждённо объяснять Бобик. — Вот когда у магазина меня оставляют сидеть, говорят: «Жди», — у меня в этот момент нет никакого терпения сидеть и ждать. Совсем. Они уходят в магазин за едой без меня, а я не нахожу никаких сил это терпеть. Мне так хочется тоже в магазин или с кем-то в этот момент поиграть, или попрыгать. Погавкать на прохожих, на худой конец. Никакого терпения у меня не хватает. Но если меня около магазина привязать за поводок, то у меня всегда терпения хватает. Всегда! Поэтому я считаю, что моё терпение — это мой поводок. Вот поводок — это и есть терпение. Нет поводка — нет терпения. Есть поводок — есть терпение. Понял? А у тебя?

Тут Мурзик задумался. Теперь Бобик смотрел на него, улыбался, вилял хвостом и ждал ответа, часто дыша.

— Ну, что ты молчишь? Что у тебя терпение? — торопил Мурзика Бобик.

Мурзика объяснение Бобика застало врасплох. Мурзик пытался найти, что у него может быть терпением. И тут его тоже осенило.

— У меня терпение — это моя подушка в коробке. На которой я сплю.

Теперь Бобик был озадачен:

— Объясни!

— Вот когда ты ночью ходишь из угла в угол, цокаешь своими когтями, соседей будишь и как будто бы ты сторожишь квартиру.

— Но я правда так сторожу, — ответил Бобик. — Если буду лежать, то усну сразу же и просплю.

— Так вот, — продолжил Мурзик, — когда ты сторожишь квартиру, у меня никакого терпения не хватает терпеть, как ты ходишь и ходишь. Так и хочется прямо на тебя запрыгнуть. Но если я лежу на своей подушке у себя в коробке, у меня терпения хватает. Лежу и сплю. Ты ходишь и ходишь, а я сплю. Считаю, что моя подушка — это и есть моё терпение.

— Отлично! — воскликнул Бобик. — Мурзик, а давай мы наши терпения подарим маме и папе — родителям Аси и Тёмы.

— Давай, — согласился Мурзик.

— Тогда сторожи их на своём подоконнике, чтобы они внезапно не прошли, чтобы мы заранее всё подготовили.

И Мурзик сел на подоконник и стал следить. То есть не считать своих голубей, а глядеть вниз во двор, упёршись лбом в стекло. Вроде, уже пора и Тёме, и Асе вернуться из школы, а их всё нет и нет.

— Чего же они не идут-то? — говорит Бобик.

— Не знаю, — отвечает Мурзик. — Наверное, у них какие-нибудь дополнительные занятия в школе. Уж и темнеть начинает.

И вдруг Мурзик замяукал, стал лапой скрести по стеклу и просто прилип мордочкой к окну, чтобы лучше видеть двор внизу.

— Идут, идут, — сказал Мурзик. — Идут все четверо. И мама, и папа, и Ася, и Тёма. Все идут.

— Давай своё терпение хватай, а я своё, — говорит Бобик.

Мурзик схватил зубами свою подушку и поволок её прямо в прихожую. Сел там с подушкой в зубах и придерживая её лапами. А Бобик взял в зубы свой поводок с ошейником и тоже сел рядом с Мурзиком ровно напротив входной двери.

И вот они сидят в коридоре напротив входной двери и ждут. Бобик держит поводок с ошейником, а Мурзик свою подушку.

Было слышно, как поднимаются родители с Асей и Тёмой, как они разговаривают, как в дверь вставляется ключ, поворачивается в замке и заходят мама, папа, Ася и Тёма.

И они видят, что в коридоре сидит Бобик со стучащим по полу хвостом и держит в зубах поводок с ошейником, а рядом сидит Мурзик и держит в зубах и лапами прижимает к себе свою подушку. И оба они такие смешные, и у них были такие просящие глаза, что к ним сразу все бросились вчетвером и стали их обнимать, тискать, смеяться и приговаривать:

— Смотрите, смотрите, какие у нас замечательные Бобик с Мурзиком! Смотрите, они в зубах держат поводок и подушку.

Все продолжали смеяться и гладить Бобика и трепать Мурзика за ушами, щекотать там, где грудка, чесать под лапами. Бобику очень это нравилось, и Мурзику очень нравилось.

И Бобик с Мурзиком поняли, что все помирились. И они стали их всех облизывать. В какой-то момент Бобик обернулся к Мурзику, подмигнул ему и сказал:

— Мурзик, у нас получилось!

Вдруг папа громко произнёс:

— Подождите, тише! Дайте подумать, — и стал вслух рассуждать. — То, что Бобик с поводком — это ясно. Он хочет на улицу, как всегда, вечером. Но то, что рядом Мурзик с подушкой… Это интересно. Давайте предположим, что они разумны, как и мы, и они показали нам не свои любимые вещи, а некие символы, которыми они хотят нам что-то сообщить. Они же не могут говорить.

— Ой, не усложняй, — ответила с улыбкой мама. — Пойдём ужинать!

Но Ася с Тёмой были очень заинтересованы таким рассуждением:

— Нет, мам, давай подумаем, что это могло бы значить. Это же очень интересно.

— Наши друзья были испуганы утром нашей ссорой, — продолжил папа, — и весь день провели в тревоге. А мы утром друг друга упрекали в отсутствии чего? Терпения! Смотрите, как хорошо поводок и подушка подходят к сообщению наших четвероногих друзей нам, людям, о терпении. Подушка — это символ спокойствия, поводок — символ смирения. Это потрясающе! Возможно, это случайно, но давайте думать, что они это сделали осознанно! И их сообщение нам можно интерпретировать как то, что они нам дарят свои символы спокойствия и смирения! Как бы говоря — больше спокойствия и больше смирения вам, людям.

Все уставились на Бобика и Мурзика.

Бобик только успел шепнуть Мурзику:

— Улыбайся, видишь, они догадались!

И они оба стали водить своими хвостами влево-вправо и улыбаться, как они уже научились это делать, копируя людей. Но мама опять повторила:

— Очень сложное рассуждение. Вряд ли это правда. Пошли на кухню ужинать. Все проголодались. И наши Бобик с Мурзиком тоже.

А уже поздно вечером Тёма, лёжа в кровати, сказал Асе:

— Давай думать, что Бобик с Мурзиком всё понимают и намного сообразительнее, чем мы о них думаем. Может, папа и не прав, но давай думать, что он прав.

— Спи, мой дорогой братик, — ответила Ася.

И все заснули. Бобик с Мурзиком тоже заснули, но улыбались во сне.

Страхи

Пришёл Тёма домой из школы. Бобик ему обрадовался, стал вилять хвостом, ушки поставил торчком и улыбался по-доброму, как всегда. А Тёма на него посмотрел внимательно и вдруг нахмурился, и громко сказал: «Гав!»

Бобик отпрянул от Тёмы и автоматически тоже тявкнул. Но на всякий случай стал вилять хвостом реже, так, для вида. Тёма посмотрел на Бобика и серьёзно спросил: «Испугался?»

Бобик заулыбался и завилял хвостом. Он понял, что это была шутка. Потом оглянулся на Мурзика, как бы спрашивая: «Что это с Тёмой случилось?»

А Тёма подошёл к Бобику и начал гладить его по голове:

— Не бойся, не бойся. Это мы в школе сегодня проходили про страхи. Нам учительница рассказывала, что такое страх. Почему мы боимся и когда мы боимся, а когда мы не боимся. Интересно было.

И опять сказал Бобику: «Гав!» Но уже миролюбиво. Бобик понял, что это игра такая. И он залаял сразу много и громко: «Гав-гав-гав-гав-гав-гав-гав-гав-гав!»

На что Тёма сказал:

— Тихо, тихо, хороший мой Бобик, тихо! Соседей испугаешь. Всё! Хватит!

И сел за стол делать уроки.

Вскоре вернулась из школы Ася, переоделась и вошла в комнату, Тёма посмотрел на неё внимательно, потом нахмурился и громко сказал ей: «Гав!» Ася вздрогнула:

— Ты что меня пугаешь?

— Мы сегодня про страхи проходили, — тут же заулыбался Тёма. — Ты в школе страхи проходила?

— А! Да, — отвечает Ася. — У нас было такое… Давно-давно у нас был урок про то, из-за чего мы боимся.

— Вот-вот! — обрадовался Тёма. — А чего ты боишься, Ася?

— Я тогда думала-думала, думала-думала и поняла, чего я больше всего боюсь.

— Чего?

— Ключ от квартиры потерять — вот что.

— Ха-ха-ха, — рассмеялся Тёма.

— Чего ты смеёшься? — строго спросила Ася. — Я этого боюсь, да. А ты чего больше всего боишься?

Задумался Тёма. Вопрос оказался непростой.

— Не знаю. Вроде ничего не боюсь.

— Такого не бывает, — сказала Ася.

— Так… Ну, боюсь портфель потерять, — начал вслух размышлять Тёма. — Боюсь, когда на меня какая-нибудь большая собака лает. Боюсь, приду домой и… Точно! Боюсь, что ещё и ключ потеряю. Да, точно, ключ боюсь потерять.

— Вот! — одобрительно отметила Ася. — А ещё чего боишься?

— Боюсь деньги потерять.

— Да у тебя их и не бывает, — улыбнулась Ася.

— Ну, всё равно, какие-то же бывают. Вот их и боюсь потерять.

— А ещё? — не унималась Ася.

— Ну, когда какие-то страшные громкие мальчишки идут на улице, — продолжал перечислять Тёма, — иногда я их боюсь. Но вообще-то не очень.

— А ещё?

— Ну, ещё боюсь, что я плохую оценку получу в школе.

— Вот, видишь, — говорит Ася, — сколько у тебя всяких разных страхов.

Тёма задумался, а потом говорит:

— Да. Странно. Я даже не думал, что так. А ты чего ещё боишься?

— Я чего ещё боюсь? — размышляла Ася. — Я боюсь, что мне кто-нибудь приколет на спину какую-нибудь записочку.

— Какую записочку? — не понял Тёма.

— Ну, например, что я глупая. Я буду ходить с этой записочкой по школе, и сзади меня будет висеть: «Я глупая».

— Разве так с тобой кто-то делал? — удивился Тёма.

— Да, когда я была совсем маленькая, так в школе одна девочка со мной поступила. Очень нехорошо.

— Совсем нехорошо, — подтвердил Тёма. — Даже очень плохо!

— Представляешь, я до сих пор этого боюсь. А ещё я боюсь, что я сзади не вижу себя, а я испачкалась, например. Поэтому я иногда к зеркалу подхожу и смотрю на себя сзади. Ещё боюсь, что у меня сзади волосы не расчёсаны.

— Да, много всяких страхов, — протянул Тёма. — А я вот иногда боюсь, что мы приходим с тобой домой, а у нас дома еды вообще нет.

— Ой, да, действительно! Хорошо, что напомнил. Надо пойти поесть, — и она убежала на кухню.

Туда же пошёл и Тёма. Бобик с Мурзиком последовали за ними. Они сели и стали ждать, когда им положат в их миски то, что им обычно дают на обед.

Ася с Тёмой продолжали болтать про всё подряд. Но при этом насыпали еды Мурзику и Бобику.

Бобик с Мурзиком начали есть. Бобик говорит:

— Слышал, про что они говорят? Про то, чего они боятся.

— Слышал, слышал, — ответил, жуя, Мурзик.

— Ну ты ешь, ешь, потом обсудим, — сказал Бобик.

Они всё доели из своих мисок и ушли из кухни. А Ася с Тёмой остались там обедать, разговаривать про школу, про то да про сё.

Бобик разлёгся тем временем на своей подстилке, потянулся и сказал:

— Мне надо подремать, потому что мне ночью квартиру сторожить.

На что Мурзик, запрыгнув на свой любимый подоконник, тут же заметил:

— Ну да, я знаю, как ты дом сторожишь ночью. Сопишь на всю комнату.

— Ну и что, — ответил Бобик. — Зато знаешь, какой у меня слух?! Чуть что я сразу вскакиваю.

— Вот именно, — хитро прищурился Мурзик, — значит, боишься чего-то ночью?

— А вот и нет, — заупрямился Бобик.

— А вот и да! Иначе почему ночью вскакиваешь?

— Не знаю, по-разному бывает, — ответил Бобик, отвернулся и начал было уже дремать.

Но сон как-то не шёл. На кухне громко смеялись Ася с Тёмой, обсуждая свои страхи. Мурзик сидел на подоконнике, смотрел в окно и вылизывал свои лапы. К Бобику вернулось желание поболтать:

— А ты чего боишься, Мурзик?

— Чего я боюсь? Чего я боюсь? — задумался Мурзик. — Ну, больше всего я боюсь, что батареи зимой будут холодные.

— О! — воскликнул Бобик, — это точно! Я даже не подумал об этом.

— Ещё я боюсь, что вдруг наши люди заведут себе вторую кошку или собаку, и мы с ними не подружимся.

— Ой, да, вот это точно, — согласился Бобик.

— Ну, а ты чего боишься? — спросил Мурзик.

— Да ничего я не боюсь, — ответил Бобик.

— Да ладно, так не бывает, каждый должен чего-то бояться, — заметил Мурзик.

— Ничего я не боюсь! Я собака, а собака ничего не должна бояться.

Мурзик задумался, спрыгнул с подоконника на пол и застыл, как будто стараясь что-то вспомнить. Потом вдруг воскликнул:

— Вспомнил! Ты сегодня испугался.

— Сегодня? Когда? — удивился Бобик.

— А вот когда Тёма пришёл и сказал тебе: «Гав», — ты же испугался?

— Я не испугался, — ответил Бобик, — я среагировал.

Мурзик внимательно посмотрел на Бобика и говорит:

— Ладно. Будем считать, что ты как собака ничего не боишься. Может и так.

И Мурзик запрыгнул опять на подоконник и стал следить за голубями, сидящими напротив окна на ветках дерева. А Бобик задумался, чего же он по-настоящему боится. Вот чтоб сильно. И никак не мог понять, чего он сильно боится. Ничего он не боится. И с этими мыслями он всё-таки задремал.

Наступил вечер. Пришли родители. Начался обычный семейный шум и всякие разговоры про всё-всё-всё. Ася с Тёмой рассказывали маме и папе про то, чего они боятся. И спросили, конечно, родителей про их страхи тоже. Папа говорит:

— Да вроде я ничего не боюсь.

— Да и я ничего не боюсь, — задумчиво произнесла мама. — Нет, боюсь. Я боюсь, что вы у меня заболеете, вот чего я боюсь. Или плохие оценки получите.

В общем, так вечер и прошёл, и все легли спать. И вот они все спят. Тишина. И вдруг Бобик в полночь просыпается и тихо подбирается к Мурзику, трогает его лапой и шепчет:

— Мурзик!

— Чего тебе?

— Ты спишь?

— Теперь уже нет, — недовольно буркнул Мурзик.

— А я понял, чего я боюсь, — продолжал шептать Бобик.

— Чего? — спросил Мурзик, окончательно проснув-шись.

— Но если я сейчас тебе про это скажу, ты сам спать не будешь. Вот так.

— Почему? — удивился Мурзик.

— А потому что ты тоже после этого будешь бояться, — предположил Бобик.

— Ты хочешь сказать, что если ты боишься, то это заразно, и я тоже буду этого бояться? — спросил Мурзик.

— Ага.

— Тогда, может, не стоит тебе говорить, чего ты боишься, а то я тоже буду бояться и не буду спать? — задумчиво предложил Мурзик.

— Мурзик, ну что мне делать, я так хочу тебе про это сказать, что спать не могу, но и боюсь сказать, так как ты тоже спать не будешь.

Мурзик аж вытаращил глаза на Бобика от этой логики:

— Бобик, ты не можешь потерпеть до утра?

— Нет, не могу, но вот что я точно знаю, — шептал Бобик, — ты сам этого боишься, ты мне сам это говорил много раз, но ты просто не можешь вспомнить про это. Я вот сейчас лежал, сторожил и думал, думал, чего же я боюсь. И потом вспомнил, что ты тоже этого боишься!

— Ну да, бывает такое. Вдруг что-то вспомнишь, а оно страшное. Ну, ладно, так и быть, говори про самое страшное. Чего ты боишься?

— Пылесоса! — выпалил Бобик.

— Какого пылесоса? — удивился Мурзик. — Почему пылесоса? Почему его надо бояться?

— Ты что?! У него эта труба чёрная извивается, она всё засасывает, и мы это больше никогда не видим. Помнишь, у нас были конфеты, припрятанные под кроватью? А Тёма с Асей убирали комнату пылесосом. И где эти конфеты? Нету. У меня такие были вкусняшки под диваном засунуты и под шкафом! Где эти вкусняшки? Нету. А у тебя, помнишь, сколько у тебя всякого разного вкусного было припрятано? И всё этот пылесос съел. Куда это всё делось? Это всё пропадает, понимаешь? Это же самая страшная вещь — пылесос! А он ещё и чёрный, и громкий к тому же.

— Да, — протянул Мурзик, — я помню, когда его включают, то эта труба… У меня шерсть дыбом встаёт от этой трубы. Мне Тёма однажды случайно бок присосал, так было больно и неприятно, и казалось, что она меня сейчас всего заберёт туда, внутрь.

— Вот видишь, есть одна вещь, которая страшно опасная и тебе, и мне. Она и ластики Тёмины сожрала, и все заколки и скрепки Асины. Вспомнил? Что нам с ним делать? — Бобик замер в ожидании ответа.

— Давай его сломаем, — предложил Мурзик.

— Вот! Правильно! Я был уверен в тебе, что ты так и скажешь, — прошептал Бобик и завилял хвостом.

— А хочешь, я провод перегрызу, и он не будет работать, — предложил Мурзик. — Только я боюсь провода грызть. Меня однажды так провод укусил за то, что я его укусил. Очень больно было. Во всём теле было больно. Даже ушам.

— Тогда давай я ему эту гибкую трубу перегрызу, — тихо прошептал Бобик.

— Сейчас? Ночью? — спросил Мурзик.

— Нет. Давай сейчас не будем его портить и шуметь, а завтра днём всё дообсудим и сломаем его совсем, пока никого дома не будет, — благоразумно предложил Бобик, вернулся на свою подстилку и тут же уснул.

И вот они утром просыпаются, Бобик с Мурзиком, переглядываются и видят, что дети в школу не уходят.

Бобик тихо спрашивает Мурзика:

— А чего они в школу-то не идут?

— Так сегодня же выходной! — вспомнил Мурзик.

— А, точно, — разочарованно сказал Бобик. — И они опять будут сегодня комнату убирать этим пылесосом. Я тогда спрячусь от него куда-нибудь.

— Ты же мне говорил, что ты ничего не боишься, — напомнил Мурзик.

— Но я же ночью вспомнил про пылесос, — ответил Бобик. — Ты что, забыл? И ты обещал провод ему перегрызть.

— Я же боюсь провод грызть. Забыл?

— А! Вот! — Бобик аж подпрыгнул от радости. — Я нашёл, чего ты сильно боишься! Ты боишься провод грызть.

— А ты боишься самого пылесоса!

— А ты тоже его боишься, — парировал Бобик.

Назревал скандал или ссора, или разговор на повышенных тонах. Однако в этот момент в комнату вернулся из кухни позавтракавший Тёма:

— Что вы тут рычите и шипите друг на друга?! Сейчас же помиритесь! И потом моя очередь пылесосить. Так что не мешайте!

Мурзик вспрыгнул на подоконник, а Бобик, виляя хвостом, поглядывал на Тёму и слегка потявкивал на чёрный корпус пылесоса, пока Тёма раскручивал провод и эту страшную трубу, чтобы начать уборку в комнате. Наконец Тёма сказал Бобику:

— Иди на кухню, ты мне будешь тут мешать.

Как только Тёма включил пылесос, Бобик ушёл в коридор. Сел около двери в надежде, что кто-то возьмёт его на поводок и поведёт погулять. Но никто не обращал на него внимания. Тогда Бобик лёг около обуви и стал ждать. Но все были заняты своими делами. В коридор со своего любимого подоконника вернулся Мурзик.

— Ну что? Боишься пылесоса?

— А вот теперь не уверен, — ответил Бобик. — Сейчас уже не очень даже и боюсь. А вот ночью, когда я взглянул на него, страшно испугался. Все спят, тихо, ты спишь. И вдруг я подумал, что вот рядом лежит этот пылесос, тоже спит, но у него эта труба чёрная, всё глотающая. Очень испугался. Нет, а сейчас уже и не боюсь.

— А ночью, когда ты ушёл спать, я испугался, что нас накажут, если мы пылесос испортим.

— Да, за это точно наказали бы, — задумчиво рассуждал Бобик. — Но теперь мы не будем его портить. Наверное, страхи связаны с тем, в какое время мы думаем о страшном. Днём ничего не страшно.

— Согласен, — ответил Мурзик. — Ночью вообще страшно думать. Ночью спать полезно.

— Давай, Мурзик, мы не будем пылесос портить. Если мы ничего плохого ему не сделаем, так и пылесос тоже нам ничего плохого не сделает. Просто нам наши вкусняшки надо сразу съедать. А не рассовывать по углам. Мы же в семье живём. Нас голодными не оставят. Нас же любят наши люди. И мы их любим.

— Да, давай так, — ответил Мурзик. — Тогда какой план?

— Значит, так, — задумался повеселевший Бобик и завилял хвостом. — Сейчас родители из магазина придут — мы сначала их сумки обнюхаем, узнаем, что вкусненького нам купили, потом обнюхаем их обувь — может, там что-то интересненькое учуем, а потом, так и быть, пойдём смотреть в окно на твоих голубей.

Вот такая история.

Портфель

Осенью темнеет рано. В такое время Бобик и Мурзик сидят дома одни до самой темноты. А Тёма и Ася приходят из школы, когда уже совсем темно. Бобик осенью начинал особенно скучать в квартире, потому что без света делать совершенно нечего. А Мурзик всегда с наступлением сумерек садился на подоконник, смотрел на улицу, где светили фонари и была какая-то жизнь. Когда становилось темно, весь свет с улицы шёл через окно. Поэтому Мурзик был похож на телезрителя, который сидит прямо перед огромным экраном.

Бобик в который раз думал, что же там Мурзик всё время разглядывает за окном. Однажды Бобик даже залез на подоконник. Но оказалось, что ему там мало места. Бобик всё время боялся свалиться прямо в комнату. Впереди было очень холодное стекло, в которое он упирался мордой и боком. При этом в спину ему шёл тёплый воздух от горячей батареи под окном.

В этот раз Мурзик сидел нахохлившийся и с интересом смотрел на очередные попытки Бобика устроиться поудобнее на подоконнике. А Бобик никак не мог лечь комфортно.

— Мурзик, тебе разве не холодно тут от стекла? — спросил Бобик. — И не жарко от батареи?

— Нет, — отвечал Мурзик, — мне нормально. Просто тут узко для тебя. Если бы тут было широко, ты бы тоже сидел или лежал удобно.

— Нет, не могу, — спрыгнул вниз Бобик. — И что там хорошего на подоконнике? Спереди холод, сзади жар. Что ты там сидишь всё время и на улицу смотришь?

— Я изучаю, — важно ответил Мурзик.

Бобик залез передними лапами на подоконник и стал смотреть вниз через окно.

— Что ты тут изучаешь?

— Например, голубей на ветках дерева напротив окна. Вот, скажем, меня удивляет, как часто голуби гадят.

— Какую глупость ты наблюдаешь! — воскликнул Бобик.

— Я не могу понять, как это они иногда ничего не едят очень долго, но всё равно гадят и гадят. У меня тут уже есть несколько голубей знакомых.

— А я знаю, почему ты так голубей любишь рассматривать. Потому что ты на них охотиться любишь.

— Ну, а как на них поохотишься? — хмыкнул Мурзик. — Они там на ветках, а я тут. Тяжёлый и за стеклом. А они там веселятся.

— Так они потому и веселятся, что видят, что ты за окном и для них безопасен, — заметил Бобик. — Они тебе ещё, небось, подмигивают оттуда.

— Ну да, есть, которые подмигивают.

— А что ещё интересного ты там видишь? Ведь целый день сидишь и смотришь.

— Ну, я смотрю, как кошки себя ведут, — ответил Мурзик. — Некоторые кошки любят хозяев, а некоторые нет.

— А как ты это определяешь? — заинтересовался Бобик. — На улице кошек-то не очень много.

— Так видно же, что некоторые кошки так, а некоторые эдак себя ведут.

— Но там и хозяев-то нет во дворе, — произнёс Бобик, — кошки же обычно гуляют сами по себе, без поводка. И без хозяина.

— Так вот, — продолжил свой рассказ Мурзик, — я вижу, что те кошки, которые любят своих хозяев, гуляют мало и всё время поглядывают на окна своих квартир. Потом возвращаются. А те кошки, которые не любят своих хозяев, они гуляют допоздна, дотемна. Я уже всех знаю.

— Так! А что там про собак видно? — с интересом спросил Бобик.

— Ну, собаки, это вообще отдельная история, — ответил польщённый вниманием Бобика Мурзик. — Тут всегда очень много интересного с ними. Вот, например, смотри, сейчас свою маленькую собачку девочка вывела, но не гуляет с ней. Сидит на лавочке. А надо же гулять с собачкой!

Бобик стал внимательно смотреть вниз, даже вжал лоб в стекло, чтобы лучше разглядеть, и язык высунул.

— Ага, вижу, да.

— Что видишь? — уточнил Мурзик.

— Да собачку я вижу. Но смотри, девочка-то заплаканная.

— О! А я на это не обратил внимания.

— Смотри, смотри, — возбуждённо продолжил Бобик, — она совсем грустная, у неё вон какое лицо. Она всхлипывает. Она плачет!

— Я вообще больше на собачку смотрел, — ответил Мурзик.

— Да вы, кошки, все такие — вы людей не любите совсем. Смотри, ей же плохо! Видишь, она сидит, плачет и собачку гладит.

При этом Бобик ещё сильнее вжался в стекло, даже вытянулся на задних лапах.

— Да, точно у неё что-то случилось. Что с ней?

— Ну как, что, — спокойно отвечает Мурзик, — она портфель потеряла.

— Откуда ты знаешь? — повернулся к нему Бобик.

— Так если я тут целый день сижу, я же всё вижу. Ты спрашиваешь, зачем я на подоконнике сижу? Вот чтобы всё знать. Она полчаса назад портфель потеряла.

— Ну, так а что ж ты молчишь? — нетерпеливо спросил Бобик.

— А что мне, мяукать?

— Ты видел, как она его потеряла? И ты знаешь, где этот портфель?

— Конечно. И видел, и знаю.

— Как это так?! — Бобик посмотрел на Мурзика вне себя от гнева. — Ты знаешь, где портфель?! Ты видишь, что девочка плачет, и ты сидишь тут спокойно?!

— А что я могу сделать?

— Ну, не знаю! Так, погоди, ты всё это видел, как она его потеряла?

— Конечно, — подтвердил Мурзик, — я же сверху, а она во дворе внизу, я всё сверху вижу.

Бобик стал ходить по комнате из угла в угол:

— Ничего не понимаю… Ты сидишь себе целыми днями, смотришь в окно, там происходят разные неприятности, может быть, даже преступления, может быть, какие-то ужасы, а ты сидишь себе спокойно, обмотанный своим хвостом, в тепле, и молчишь.

— Ну, хорошо, я тебе буду всё рассказывать.

— Тогда рассказывай про портфель.

— Ещё утром, — начал Мурзик, — эта девочка шла с мальчиками в школу с портфелем. Я её заметил. Два мальчика из второго подъезда. А она из третьего. Вон из того дома. А уже вечером я видел, как они шли из школы. Начали с ней о чём-то спорить. Громко-громко. И она одного из них стукнула портфелем по голове.

— Ого! — удивился Бобик. — Ничего себе девочка!

— Ну да. Они этот портфель отняли у неё. И быстро убежали.

— Куда?

— Туда, где гаражи.

— А дальше что?

— Они убежали от неё, — продолжил рассказывать Мурзик, — и пока её не было, они её портфель забросили на крышу гаража. Когда она к ним подбежала, они ей стали показывать,

что у них в руках ничего нет. И ушли домой. Она заплакала и тоже пошла домой. Уже без портфеля.

— Так ты что, видишь, где портфель лежит? — заволновался Бобик.

— Конечно, — ответил Мурзик, — вон он на крыше гаража лежит.

— Ты видишь, где портфель лежит! Видишь заплаканную девочку, которая потеряла этот портфель! И молчишь!

— Ну, а что я могу сделать?

Бобик молчал и ходил из угла в угол по комнате. Бобик думал. Мурзик почувствовал свою вину и продолжил:

— Хорошо, давай сейчас ты будешь вместо меня. Вот ты, Бобик, видел всё это. Вон портфель лежит. Вот девочка эта. Она плачет. Что ты можешь сделать?

— Ну… — Бобик остановился и замер, — надо подумать!

И в этот момент послышались шаги снаружи, звук ключа в замке, и вошёл Тёма.

Тёма бросил свой портфель на пол, плюхнулся, не раздеваясь, в кресло, довольный и усталый. Видимо, хорошие отметки получил. Но Бобик тут же начал скулить и прыгать на Тёму, толкая его прямо в грудь.

— Да что такое, Бобик?! — удивился Тёма. — Я устал. Мне не до игр. Потом. Попозже.

Но Бобик не унимается, крутится, крутится, крутится вокруг него.

— Что ты хочешь? — спрашивает у него Тёма. — Наверное, ты хочешь на улицу, в туалет? Бобик! О! Я догадался, ты хочешь в туалет. Погоди, я сейчас котлету съем, возьму тебя на поводок, и мы пойдём.

С этими словами Тёма пошёл на кухню. А Бобик всё толкает и толкает его уже из кухни в коридор.

— Ну, ты совсем, — говорит Тёма. — Что-то с тобой случилось. Ну, пошли.

И сразу же взял Бобика на поводок. Закрыл дверь на ключ. А Мурзик так и остался сидеть на подоконнике.

Бобик быстрее потянул Тёму вниз по лестнице, так что Тёма заволновался, что что-то случилось. Он бежал по лестнице вниз и не мог понять, что это с Бобиком, что он его так тянет.

Бобик на скорости вытянул Тёму через подъездную дверь на улицу и не стал, как обычно, нюхать кустики, а тянул и тянул поводок в сторону девочки, которая всё ещё сидела со своей собачкой на лавочке. Тёме пришлось от неожиданности последовать за Бобиком.

Подбежали они оба к этой девочке так, что она даже испугалась, настолько неожиданно они появились.

Тёма запыхался, но увидел плачущую девочку и от неожиданности не знал, что сказать и как себя вести. А Бобик стал разговаривать с её собачкой. Для человеческого уха это было поскуливание и погавкивание. И вот какой диалог произошёл между собаками:

— Я знаю, что тебя зовут Нюся.

— Да, а тебя как?

— Бобик. Я знаю, почему плачет твоя хозяйка.

— Откуда знаешь?

— Мой друг видел — она портфель потеряла.

— Да, и просит, чтобы я его нашла. Чтобы я взяла след. Мы с ней уже ходили несколько раз. Я след взяла, я умею, я очень хорошо нюхаю. Я по следу привела её к гаражам. Но там я след потеряла, и мы портфель не нашли.

— Давай, тащи свою хозяйку снова туда, я знаю, где портфель.

Нюся тут же потянула поводок и потащила хозяйку опять к гаражам. А Бобик потащил Тёму туда же. Он тянул поводок изо всех сил. Нюся тоже.

— Девочка, ты не знаешь, что случилось с нашими собаками? — спрашивает на бегу Тёма.

— Я не знаю, но я сегодня портфель потеряла. Вернее, у меня его отобрали. И я просила свою собачку найти этот портфель. Моя собачка привела меня туда, куда мы бежим. Но там след портфеля потерялся.

Они быстро оказались среди гаражей, которые лепились друг к другу в углу двора и всегда привлекали мальчишек.

Бобик при этом встал на задние лапы около одного из гаражей, над которым склонилось дерево, и стал подпрыгивать и тянуться носом кверху.

— Думаешь, портфель там? — спрашивает его Нюся.

— Я не думаю, я знаю, — ответил Бобик, продолжая подпрыгивать, как бы стараясь достать края крыши гаража.

— Откуда знаешь? — спросила Нюся.

— Потому что я живу высоко и видел из окна, что портфель лежит на крыше гаража.

— Как же я не догадалась.

— Ну, потому что ты понизу нюхала, а я видел сверху. Я, может, тоже след потерял бы. Не переживай.

— Как же мы теперь залезем наверх, — спрашивает Нюся, — чтобы показать нашим хозяевам, что портфель наверху?

— Давай я встану, а ты мне на спину залезешь лапами и попробуешь дотянуться доверху, — предложил Бобик. — А они увидят, что мы тянемся на крышу и поймут.

— Нет, так не годится, — ответила Нюся, — тут высота очень большая. А я собачка маленькая. Вон, смотри, дерево, давай я залезу на дерево по наклонному стволу и буду лаять на портфель, и они поймут, что он тут.

— Давай, — согласился Бобик и перестал наконец прыгать.

Тёма и девочка смотрели на собак и пытались понять, что они делают. И тут Нюся потянула девочку к дереву. Девочка сначала не захотела её спускать с поводка, потому что дерево было старое, наклоненное, и она боялась, что собачка с него свалится. Но Нюся так рвалась, так тявкала на дерево, что девочка решила, что портфель где-то на ветках висит в листве, поэтому отстегнула поводок. Нюся тут же залезла по стволу дерева на высоту около метра и увидела портфель. И стала вовсю громко лаять и даже лапой показывать туда, на крышу гаража:

— Гав-гав-гав-гав-гав!

И в этот момент девочка и Тёма догадались, что она всем показывает, где лежит портфель.

— Ааа, так-так, — сказала девочка, — ты показываешь, где мой портфельчик лежит?

Тут же её собачка Нюся сразу перестала лаять, так как больше не было смысла — хозяйка всё поняла.

— Спускайся, спускайся, — сказала девочка Нюсе. — Я всё поняла. Я сейчас попрошу помочь кого-нибудь из взрослых.

И она оставила Нюсю с поводком в руках у Тёмы. У Тёмы в этот момент оказались два поводка и две собаки. А девочка побежала за своими родителями или за кем-то ещё из взрослых.

Через некоторое время она вернулась со своей бабушкой, которая, естественно, не могла залезть на крышу гаража, но девочка ей объяснила, что обе собаки уверены, что её портфель лежит на крыше этого гаража и что мальчики именно туда его забросили.

— Тогда я сейчас схожу за дворником, — сказала бабушка, — у него есть лестница. Мы туда залезем и посмотрим.

И она ушла. А девочка в это время спрашивает у Тёмы:

— Откуда твоя собака знала, где мой портфель? Её же не было во дворе, когда его у меня отняли.

— Она была дома с нашим котом Мурзиком, а я тоже был в школе. Наверное, из окна она это видела.

— Какая у тебя замечательная собака, — ответила девочка. — А меня два мальчика обидели, они у меня отобрали портфель, и потом я не могла его найти.

В это время пришла бабушка с дворником, у которого была с собой небольшая лесенка.

Дворник приставил лесенку, залез на крышу и крикнул оттуда:

— Да, портфель тут.

Потом достал с крыши портфель и сбросил его прямо в руки Тёмы. Девочка очень обрадовалась, а бабушка сказала:

— Мы должны всех отблагодарить.

У неё в кармане оказались заранее приготовленные шоколадки. Она дала одну шоколадку дворнику. А вторую шоколадку Тёме.

— Бабушка, я уверена, у тебя там ещё есть шоколадки, — говорит девочка. — Я тебя знаю. Ты запасливая. И всё заранее предвидишь. Давай дадим ещё шоколадку этой собачке. Бобику. Без неё мы бы не нашли портфель.

— Бобику нельзя шоколад, — возразил Тёма. — Но у меня есть старшая сестра — Ася. Давайте ей тоже сделаем подарок.

— Вот! — говорит бабушка. — Как раз бери две шоколадки — тебе и твоей сестре. А потом можешь маленький кусочек шоколадки дать своему…

— Бобику, — подсказал Тёма и забрал обе шоколадки.

Бобик был очень рад, что его поняли, что его хотят отблагодарить и что он так здорово помог. Конечно, шоколадку он не стал бы брать, но он был очень доволен и горд собой.

На прощание Тёма сказал девочке:

— Имей в виду, если у тебя что-то случится, мы тебе всегда сможем помочь, потому что видишь, какая у меня наблюдательная собака! А дома у нас сидит часто на подоконнике ещё и Мурзик и всё сверху видит.

Так Тёма познакомился с девочкой Ирой из третьего подъезда. И они все пошли по домам.

Когда Тёма и Бобик вернулись домой, Тёма говорит Бобику:

— Ты иди расскажи всё Мурзику на своём собачьем языке, а я пойду на кухню, так как я очень проголодался. Ты же мне даже перекусить не дал!

Бобик побежал в комнату к окну, на котором так и сидел Мурзик, и взахлёб начал описывать ему всю историю. На что Мурзик сказал:

— Можешь не рассказывать.

— Почему? — растерялся сначала Бобик. — А! Ну, конечно! Ты же всё видел сверху.

— Да, — ответил Мурзик, — я всё вижу сверху. Я даже видел, как за вами наблюдали эти два мальчика из окон своих квартир. Вот они какие — тоже наблюдали за вами.

В это время пришла Ася. И Тёма стал ей подробно рассказывать всё, что произошло. Мурзик тоже слушал детали этого события. Тёма рассказал всё Асе и потом дошёл до места, где бабушка подарила шоколадку дворнику.

— Наверное, тебе она тоже шоколадку дала? — спросила Ася.

— Дала, — подтвердил Тёма.

Он достал одну шоколадку. Потом говорит:

— Ася! Хочешь, покажу фокус?

— Давай сначала эту шоколадку разделим пополам, а фокус потом покажешь, — отвечает Ася.

— Нет, — упорствовал Тёма, — давай сначала я тебе фокус покажу с шоколадкой, а потом мы её съедим.

— Знаю я твои фокусы. Ты что-нибудь такое сделаешь, что и шоколадки даже не будет. Как в прошлый раз.

— Нет, другой фокус. Принеси миску.

Ася принесла большую миску. Тёма в это время незаметно взял вторую шоколадку в руку. А первую шоколадку накрыл этой миской. И быстро сунул вторую шоколадку тоже. И стал потом этой миской по столу возить и приговаривать:

— Шоколадка, шоколадка, расти большой-большой!

— Ну вот, начинается, — закатила глаза Ася. — Знаю я твой фокус — ты миску поднимешь, а там ничего не будет, ты шоколадку тихонечко себе в карман спихнул уже.

— Если бы я не хотел тебе дать шоколадку, я бы даже не сказал, что нам её подарили. Будешь миску поднимать?

— А чего её поднимать, там никакой шоколадки уже нет.

— Ну, тогда я подниму, — ответил Тёма.

Поднимает миску, а там две шоколадки.

— Ой, Тёма! — Ася стала его обнимать. — Извини, что я так говорила. Но ты сам виноват! Столько раз меня обманывал. Но сейчас какой ты молодец! А я подумала, что ты надо мной пошутишь.

— Теперь у нас с тобой по шоколадке, — ответил довольный Тёма. — Потому что одну шоколадку бабушка дала мне, а вторую она хотела дать Бобику. Но я сказал, что Бобику нельзя сладкое, а у меня есть сестра, поэтому я шоколадку сестре отдам.

Ну, а Бобик с Мурзиком уже тут как тут. Конечно, дети сразу же дали им кое-что вкусненькое и стали их обнимать, гладить и расхваливать за внимательность.

И вот после этого события Тёма совсем по-другому стал смотреть на то, что Мурзик сидит у окна. И Бобик тоже стал на Мурзика смотреть совсем другими глазами. Потому что Мурзик, оказывается, выполняет при этом полезное дело.

Вот такая история была.

Варежки

Пришла поздняя осень. Совсем холодная и ветреная. Ночью выпал первый снег. Утром папа, вернувшись с улицы с Бобиком, сказал:

— Всё. Пора. В ближайшие выходные будем заклеивать окна.

— Что это значит? — Тёма был тогда ещё маленький, он не понял и повторил. — Это что значит — заклеивать окна?

— Ты уже забыл? — спросила Ася. — Мы же в прошлом году заклеивали. Сейчас я тебе напомню. У нас окна старые, через них зимой дует. Поэтому осенью мы заклеиваем все окна бумагой. Берём полосочки белой бумаги, смазываем клеем и приклеиваем вдоль окон. А весной будем это снимать.

— Не помню. А сами стёкла будем заклеивать? — не понял Тёма. — Темно же будет!

— Не волнуйся. Только раму будем заклеивать.

— А как же окно открывать? — спросил Тёма.

— Так окна зимой мы не открываем, — ответила Ася, — только форточку.

— Мы её точно не заклеим? — недоверчиво поинтересовался Тёма.

— Нет, форточку не будем заклеивать.

— Что же у нас будут все окна обляпаны бумагой? — продолжал задавать вопросы Тёма.

— Братик, ты такой странный, — рассмеялась Ася. — Нет, мы будем аккуратно клеить. В прошлом году мы же чисто поклеили?

— Что-то я не помню. Окна как были, так и остались белые.

— Мы же белую бумагу будем клеить.

— А зачем? — не унимался Тёма.

— Как зачем? — Ася была терпелива. — Смотри. Части рамы неплотно прилегают друг к другу. Там щели. Попробуй. Давай руку, — Ася взяла Тёмину ладошку и приложила к раме окна.

И, действительно, там чувствовалось, что дует холодный воздух. Тёма посмотрел на Асю, отдёрнул руку и говорит:

— Нехорошо, что дует. Холодное.

— Нехорошо, — согласилась Ася, — от этого зимой нам будет холодно.

— Но если мы окна заклеим, мы не задохнёмся? — опять спросил Тёма.

— Нет. Мы же в прошлом году заклеивали, и всё нормально.

— Всё равно надо форточку держать открытой.

— Зачем?

— Чтоб вдруг не задохнуться. Я читал, что можно легко задохнуться. Раз и всё, — Тёма по-прежнему оставался подозрительным и недоверчивым. — Надо Мишку спросить. Они тоже заклеивать будут? Что-то он мне не говорил про такое.

Но больше эту тему не обсуждали этим утром, так как все спешили и быстро разошлись — кто в школу, кто на работу. Бобик с Мурзиком остались одни. Бобик был довольный. И Мурзик тоже урчал и улыбался. Бобик первым начал обсуждение новой темы:

— Слышал? Рад?

— Про окна? Рад. Только мне не понравилось, что Тёма сказал, что возьмём и задохнёмся. Как это так?

— Ты не бери в голову. Это Тёма так подумал. В прошлом году ничего не задыхались. Ну, душновато было, да, — ответил Бобик как бывалый.

— Но мне действительно на подоконнике очень холодно, — сказал Мурзик.

— Да, я вижу. Ты когда сидишь на подоконнике осенью, ты с каждым днём всё больше становишься похожим на шар. Чем на улице холоднее, тем больше ты шар. Летом ты вытягиваешься, и иногда кажется, что ты просто свалишься с подоконника. А сейчас ты сидишь как шар — иногда даже не могу понять, где у тебя перед, где бок. Просто шар.

— Это потому, что мне так теплее. Мех поднимаю.

— Чтобы было теплее — надо побегать, — посоветовал Бобик. — Вот спрыгнул бы и побегал тут из стороны в сторону, с игрушками бы поиграл, за своим клубком побегал — сразу тепло будет.

— Мне тут прохладно, но терпимо.

— А мне, например, всегда зимой в квартире жарко, — ответил Бобик, — но когда на улицу выхожу, вот тут я тебе завидую — у тебя всё-таки мех погуще, чем у меня. А особенно холодно моим лапам. Ты-то на улицу не бегаешь, как я каждый день.

Так они обсуждали приход зимы весь световой день. А как стемнело, вернулись из школы Тёма и Ася. Они пришли одновременно, и сразу стало слышно, как Ася громко-громко ругает Тёму:

— Тёма, прекрати так ходить! Надо варежки надевать! У тебя, смотри, руки красные и с цыпками.

— Варежки кусачие. И мне в них жарко!

— Всё равно! Надо в варежках ходить. Теперь у тебя все руки как поцарапанные. Как будто тебя Мурзик исцарапал.

— А почему тогда ты не в варежках?

— Потому что я руки в карманах держу. У меня, видишь, в куртке карманы тёплые. И ещё у меня есть мамины старые перчатки на всякий случай.

— Я тогда тоже буду в карманах держать.

— Но ты же не держишь в карманах, — говорит Ася, — у тебя они всегда на улице. Поэтому ходи в варежках!

— Не хочу варежки, — продолжал капризничать Тёма. — Неудобно. В них ничего не схватишь.

— Ну нет у нас для тебя кожаных перчаток. Их только взрослым шьют.

Тёма стоял, насупившись, и видно, что о чём-то напряжённо думал:

— А почему мы всем варежки и перчатки надеваем, ботинки, сапоги, валенки, а Бобику ничего не надеваем?

— Хорошо, давай ещё Бобику варежки наденем, — с раздражением сказала Ася.

Бобик услышал своё имя и тут же стал вокруг детей прыгать и вилять хвостом. Тёма посмотрел на Бобика и говорит:

— Я придумал! Если Бобик будет в варежках ходить, я тоже буду варежки носить, потому что Бобик мой друг.

— Хорошо, — сказала Ася, — придёт мама, я с ней это обсужу.

И они ушли на кухню обедать. Вечером пришла мама, и Ася стала ей жаловаться:

— Тёма пришёл опять без варежек, и смотри, какие у него руки.

— Эх, Тёма, ай-я-яй, — покачала головой мама. — Пошли мазать жирным маслом.

— Ма, Тёма говорит, что он будет носить варежки, но только при одном условии, — продолжала жаловаться Ася, пока мама мазала кремом руки Тёме.

— При каком? — спросила мама.

— Что и Бобику тоже будут надевать варежки, чтоб на улицу ходить.

— Но у Бобика нет варежек, — ответила мама.

— Ну и что, — вступился за Бобика Тёма, — у нас же очень много старых варежек от Аси.

Мама заулыбалась, представив обутого Бобика:

— А, действительно, у нас вон полная коробка старых Асиных варежек. Мы же не можем их Тёме отдать.

— Почему не можем? — удивилась Ася. — Мы-то можем, просто он не хочет их носить.

— Я не буду ходить в розовых варежках, — ответил Тёма.

— Вот мы тогда розовые наденем Бобику. Бобику же всё равно. Правда, Бобик?

Бобик был уже тут как тут, всем улыбался и вилял хвостом. Ещё бы! Он же всё понял. У него всё время зимой лапы мёрзнут, а тут раз — и в варежках можно будет бегать.

Мама задумалась и сказала:

— Только у него варежки сразу испачкаются и промокнут. Ему будет ещё холоднее тогда. Поэтому надо к ним приклеить кусочки кожи.

— Если кожу приклеить к варежкам и намочить, она сразу отойдёт, — серьёзно заметил Тёма. — Нет такого клея, который может мокрую кожу держать.

— Вот папа придёт, попросим его пришить маленькие кусочки кожи, — сказала мама. — Будет у нас Бобик ходить в розовых варежках с кожаной подбивкой. Но у нас только одна пара розовых, а ещё одна пара жёлтая. Есть ещё красные и в цветочек.

— Отлично, наденем ему на передние лапы жёлтые, а на задние розовые, — предложила Ася.

Пришёл с работы папа. Ему рассказали про эту затею, достали одну пару жёлтых, одну пару розовых варежек. Папа нашёл кусочек кожи и вырезал овальные пятачки. Мама стала их пришивать, но пришивать кожу очень трудно — она исколола себе все пальцы и говорит:

— Не могу я больше этой глупостью заниматься, занимайтесь сами.

— Папа сейчас занят, давай я сам, — предложил Тёма.

— Ну ты-то точно ничего не сможешь сделать, — покачала головой Ася.

— Я попробую. Ничего у мамы не получилось. А я степлером всё сделаю.

— Попробуй, хорошая идея, — заметила Ася, — давай степлером. Только ты делай так, чтобы изнутри были скрепочки, а наружу торчали их кончики. Чтоб лапы Бобику не кололо.

— Ася! Ну, конечно, — ответил ей Тёма очень серьёзно.

Он взял степлер и быстро прикрепил четыре кусочка кожи к варежкам.

Папа и мама очень удивились:

— Какой ты, оказывается, смекалистый, Тёма! Действительно, зачем долго пришивать, когда можно всё степлером быстро сделать?! Ведь это же, чтобы только попробовать. Вдруг Бобику не понравится.

Но Бобик при этом крутился у всех под ногами и во все глаза смотрел на эти приготовления. Пришло время попробовать надеть эти варежки.

Бобику сказали: «Ложись». И Бобик лёг на бок. И даже подставил лапы. Ему надели на передние лапы жёлтые, а на задние лапы розовые варежки и сказали: «Бобик, побегай!»

Бобик вскочил и начал в варежках носиться по комнате и сразу же поскользнулся.

Оказалось, что даже с кожей варежки скользят по паркету ещё сильнее, чем подушечки его лап. Но Бобик не унывал, а всё равно вилял хвостом, нюхал свои варежки и всё время поглядывал на Мурзика.

А Мурзик, конечно же, очень внимательно наблюдал с подоконника за всем этим цирком, и ему потихонечку становилось завидно, что Бобику уделяется столько внимания, а Мурзику совсем никакого.

Тогда Бобик подошёл к нему и говорит:

— Не очень удобно, конечно, но я чувствую, что будет очень тепло.

Но пока он бегал по комнате в этих варежках, две варежки из четырёх слетели.

— Так. Эксперимент почти удался, — сказала мама. — Но это нехорошо, что у него варежки слетают.

— Надо продеть в варежках шнурочки, — почти не задумываясь, предложил Тёма, — и привязывать с их помощью варежки к лапам.

Так и сделали. Нашли шнурки от старых ботиночек Асиных. Продели через дырочки в вязке, так что теперь в каждой варежке был свой шнурочек, и привязали этими шнурками варежки к лапам Бобика. Теперь ничего не свалилось.

Бобик был страшно довольный, хотя понял, что надо всё-таки это на ночь снимать. Он сначала подумал, что ему это так и оставят на всю зиму. И стал все варежки обнюхивать и облизывать.

— Бобик, не бойся, не бойся, — сказал Тёма, — мы сейчас их снимем.

Снял с Бобика все варежки и положил вместе со своими греться на батарею. Хотя Тёмины варежки были и так сухие, он же не надевал их на улице.

А на следующий день была суббота, и все решили проверить, как Бобик будет ходить в этих варежках на улице. Тем более было страшно холодно. Так холодно, что даже Тёма отметил:

— Ух, мороз какой, я точно буду в варежках.

— Мы сейчас немного погуляем, — сказала мама, — потому что потом будем заклеивать окна!

— Я быстро, — ответил Тёма и с радостью надел на Бобика разного цвета варежки, нацепил поводок, надел сам варежки, и они пошли во двор.

А во дворе было много и детей и взрослых, так как это была суббота, и светило солнце. Хоть и мороз. Все сразу заулыбались, некоторые даже засмеялись и захлопали в ладоши, потому что Бобик выглядел очень эффектно — он торжественно ходил в Асиных варежках, подбитых кожей, и даже немножечко цокал, потому что эти скрепочки металлические цокали по асфальту — там, где не было снега.

Тёма тоже был в своих варежках и даже не пытался лепить снежки как обычно, потому что ему было интересно наблюдать за Бобиком.

В общем, они немного погуляли, пришли домой, сняли варежки, положили их сушиться на батарею и стали заниматься заклейкой окон.

Бобик был в полном восторге. А Мурзик очень обиделся: во-первых, ему даже не предложили пойти на улицу, хотя он всё равно бы отказался, потому что там очень холодно, а во-вторых, потому что уж столько внимания уделяли Бобику, а Мурзику ничего. От обиды Мурзик запрыгнул на батарею, сбросил все варежки на пол и лёг на батарею греться. Батарея была такая горячая, что он почти сразу, обжигаясь, соскочил с неё.

Ася заметила, что Мурзик так себя ведёт и говорит:

— Тёма, смотри, Мурзик ревнует. Ему обидно, что ему не сделали такие же варежки. Давай Мурзику тоже будем надевать маленькие тапочки дома, потому что ему обидно, если всё только Бобику, а ему ничего.

— Где же мы такие маленькие варежечки найдём для Мурзика? — спросил Тёма.

— А мы снимем с моих старых кукол, — ответила Ася. — У них часто были резиновые или кожаные башмачки. Ну, или ботиночки, или сапожки. Мы найдём — сейчас полезем на антресоль. У меня там есть большая коробка со старыми куклами, и мы там наверняка найдём две пары таких башмачков, снимем их с кукол и предложим Мурзику. Может быть, он даже не согласится их надевать, может, будет капризным, но зато он будет видеть, что мы о нём заботимся.

А мама в это время варила клей для заклеивания окон из желатина для киселя. А папа в это время резал бумагу на полоски и ждал, когда же ему начнут помогать дети.

Ася достала с антресоли коробку со старыми игрушками и, конечно же, стала все эти игрушки перебирать, играть с ними, вспоминать их.

— Ася, погоди, — говорит ей Тёма. — Мы должны же взять две пары ботиночек с твоих кукол, потом помочь маме и папе. А потом уже будешь в кукол своих играть.

— Хорошо, братик. Да, нашла две пары ботиночек.

Тёма стал их разглядывать. Да, две пары замечательных ботиночек, даже со шнурками. И как раз по размеру лап Мурзика.

Позвали Мурзика. Мурзик тут же послушно пришёл. Тёма говорит Асе:

— Давай, надевай Мурзику эти ботиночки.

— Думаешь, он захочет, чтобы ему ботиночки надели? — неуверенно спросила Ася.

— Сейчас проверим, — сказал Тёма и начал напяливать эти ботиночки Мурзику на лапы.

Но Мурзику это всё очень не понравилось — он мяукал, брыкался и царапался, один раз даже куснул слегка Тёму за руку. Тёма перестал мучить Мурзика и немного расстроился:

— Ладно, Мурзик. Я понял. Тебе просто не очень сейчас хочется. Но теперь это — твои ботиночки. Я тогда твои ботиночки поставлю в ряд на твоём любимом подоконнике.

И поставил на подоконник все четыре ботиночка в ряд, тут же рассмеялся и говорит:

— Смотри, Ася. У людей по паре ботинок: один-два, один-два, один-два. А у Мурзика четыре, и они почти одинаковые. Смотри, вот четыре ботиночка Мурзика. А у Бобика четыре варежки. Как странно — у Бобика ведь тоже лапы, тоже должны быть ботиночки, но у него варежки.

За всеми этими хлопотами вокруг Мурзика мама успела сварить клей. А папа нарезал полоски. И все начали заклеивать окна. Для этого даже вставали на стремянку.

Естественно, Мурзика с его ботиночками прогнали с подоконника. Бобик, конечно, пытался всем мешать и совал свой нос везде, поэтому его выгнали на кухню и закрыли за ним дверь.

Тёма тоже хотел помогать, но в одном месте немножко разлил клей, в другом месте наступил на липкую от клея бумагу. И мама с папой сказали:

— Тёма, иди тоже к Бобику, развлекай его, мы тут без тебя справимся.

И они быстро, буквально за час, заклеили все окна. Но сильно устали.

А от этого клея, который жидкий и мокрый, и от мокрой бумаги в комнатах стало очень влажно. Из-за этого все окна совсем запотели: получилось, как будто бы все окна в инее. Ничего не было видно, и стало даже немного страшно.

Тёма вышел из кухни, где окна не заклеивали, увидел всё это и говорит:

— Пошли гулять. Тут очень пахнет. Надо всё проветрить.

— Нет, — возразила Ася, — там ещё холодней, и потом, мы все очень устали.

— Вот видите, — испуганно продолжил Тёма, — я же говорил — когда все окна заклеены, очень душно. Тогда открывайте форточку, а то мы сейчас все задохнёмся.

— Да, действительно, — сказал папа, — хорошо бы открыть форточки, чтобы мы не задохнулись.

— Ни в коем случае нельзя открывать форточки, — возразила мама. — Если сейчас придёт сухой холодный воздух, вся наша бумага быстро засохнет, потрескается и сразу отвалится от окон. Я это знаю. Это действительно так.

— Да, точно, мама права, — подтвердил папа. — Быстро одевайтесь, пойдём гулять. А комната должна постоять вот такая влажная, чтобы всё хорошо прихватилось.

И пришлось всем одеваться. Тёма стал надевать Бобику уже высохшие варежки.

— Так, а что же мы будем делать с Мурзиком? — спросила Ася. — Он так и будет мучиться в этой влажной комнате? Или берём его с собой?

— Бери Мурзика в его корзинку. Мы все пойдём гулять. И Мурзик тоже, — ответила мама.

Мурзика поместили в его специальную корзинку для гуляния и поездок. Закутали его в одеялко, чтобы не замёрз, так как гулять надо было целых два часа, чтобы всё успело подсохнуть в квартире. А на улице уже вечерело, и мороз усилился.

И вот все идут: мама с папой под ручку, Ася с Тёмой о чём-то болтают. Ася несёт сумочку с Мурзиком, а Бобик важно идёт на поводке у мамы в своих варежках. И Бобик Мурзику говорит:

— Мурзик, моим лапам тепло, лапы мои отлично себя чувствуют. А ты как?

— А мне ещё лучше, — отвечает Мурзик. — У меня лапы даже не касаются земли. Мне теплее, чем тебе. Я ещё лучше тебя устроился.

— Я тоже не против, чтобы меня на ручках носили или в сумке какой-нибудь, — вздохнул Бобик. — Но зато я могу тут всё понюхать, побегать, порезвиться, а ты так и будешь мёрзнуть в коробке.

— Да, тебе тоже неплохо. Но мне тут в одеялке пока не холодно. Но если ещё два часа мы так будем ходить, я просто окоченею.

И так они гуляли, все разговаривали друг с другом, и вот Мурзик говорит Бобику:

— Мне уже холодно.

— Подёргайся, помяукай, — отвечает ему Бобик, — может быть, тебя выпустят.

Мурзик мяукал, но на улице было шумно, и никто его не слышал и не выпустил.

В итоге, когда они пришли домой, то окна уже не были такими запотевшими. Папа открыл форточку, и свежий воздух вошёл в комнату. Мурзик, как только выскочил из своей клетки, сразу бросился и распластался на батарее, чтобы погреться. Ася с Тёмой сняли свои варежки. Тёма с удовольствием развязал и снял варежки с Бобика. Бобик весело прыгал, потому что ему было очень радостно, что он теперь не мёрзнет. А Мурзик, конечно, подмёрз. Он просто лежал на батарее и приходил в себя.

Батарея была очень горячая, но Мурзик так замёрз, что ещё долго не мог отогреться и терпел её жар. А на подоконнике Мурзика стояли в ряд его четыре ботиночка. Он их, конечно, так и не разрешил на себя надеть, но с тех пор эти четыре ботиночка так и стоят на подоконнике. А Мурзик часто подходит и нюхает их, поправляет лапой, чтобы они стояли ровно в ряд. И от вида этих своих ботиночек Мурзик всегда уверен, что он тоже член семьи и у него тоже есть обувь для того, чтобы гулять.

Охота в квартире

Дело было летом. Стояла жара. Окна настежь. Ветер гуляет, занавески колышутся. Мама с Тёмой и с Асей уехали покупать им новую летнюю одежду, так как начались каникулы, а из старой они уже выросли.

Перед уходом мама сказала Бобику и Мурзику:

— Мы поехали по делам на целый день. Вы остаётесь одни. Ведите себя хорошо.

А скоро и папа ушёл на работу. Бобик с Мурзиком остались дома одни, и им совершенно было нечего делать. Абсолютно. Бобик ходил из угла в угол и ворчал:

— Ну что ж так жарко-то?!

Ему, конечно, оставили много воды, и он эту воду часто пил. А Мурзик был, как всегда, на подоконнике. Но когда летом особенно жарко, он уже не мог нормально сидеть там — он развалился, вытянулся, даже высунул язык и часто дышал.

— Мурзик, уйди с подоконника, — говорит Бобик, — ложись в тенёчек под кровать, там прохладненько. Я вот сейчас под кроватью полежал. Так хорошо!

— Нет, там неинтересно, — отвечает Мурзик. — Тут хоть можно на птичек посмотреть.

— Да, знаю. Любишь ты на них смотреть. Ну, а что ещё ты видишь?

— Я вижу, что даже мыши вылезли из подвала и греются на солнышке.

— Где, где, где? — не поверил Бобик его словам.

— Вон, внизу, за баками, — ответил Мурзик и показал лапой.

Бобик вскарабкался на подоконник передними лапами и стал смотреть вниз:

— Нет, не вижу. Ну и зрение у тебя! Острое, как у орла.

— Да вон же, смотри, — нетерпеливо поёрзал на подоконнике Мурзик, — перед баками у мусоропровода, видишь, вон они, в траве лежат.

— Нет, не вижу, — отвечает Бобик.

— Ну что мне тебе принести их, что ли? Показать?

— А как ты это сможешь сделать, мы же заперты?! — удивился Бобик.

— Ну, я сейчас прыгну с подоконника на ветку дерева и по ветке спущусь вниз во двор, — предложил Мурзик.

— Нет, это опасно.

— Элементарно! — парировал Мурзик.

— Ты не сможешь, — продолжал настаивать Бобик.

— Я уже делал так много раз, — ответил Мурзик.

Тут Бобик спрыгнул на пол и уставился на Мурзика:

— Как? Как ты это делал? Ты же всё время дома. Ты что?

— Летом, когда окна открыты, и когда тебя мама, папа или Тёма с Асей на поводке водят гулять надолго, думаешь, я тут сижу на подоконнике и смотрю, как вы там гуляете внизу без меня? Мне же скучно, я иногда прыгаю на эту ветку, с ветки по дереву спускаюсь вниз или просто остаюсь на дереве, покачиваюсь, если ветер. Голубей пугаю. Очень здорово. Как прогулка.

— Этого не может быть, ты меня обманываешь, — ответил поражённый Бобик.

— Ну, тогда смотри, — сказал Мурзик и как прыгнет с подоконника.

Он пролетел около метра и зацепился на ветке напротив окна так, как цепляются обезьянки, то есть всеми четырьмя лапами. Подождал, пока ветка перестанет качаться, и потом по ветке пополз потихоньку к стволу. Долез до ствола, обнял его и довольный повернулся к Бобику. Помахал лапой и крикнул:

— Ну что, видал?! Во как я умею!

— Ты замечательный, замечательный товарищ, — отвечает Бобик.

— Почему? — спрашивает Мурзик.

— Потому что ты всё время открываешься с новой стороны. Ты всё время меня удивляешь. Я никогда не знал, что ты покидаешь квартиру. Когда я возвращался на поводке с Асей, с Тёмой, с мамой или с папой домой, мне всё время было перед тобой стыдно.

— Почему стыдно? — крикнул с дерева Мурзик.

— Ну как же, я думал, ты сидишь тут взаперти, а я хотя бы на поводке гуляю на улице.

— Ты бы раньше сказал, — засмеялся Мурзик. — Я ухожу, но ненадолго, минут на двадцать. Погоди, я сейчас тебе мышь принесу.

— Какую мышь? — закричал Бобик.

Но было уже поздно. Мурзик стал быстро спускаться по стволу. Спустился, спрыгнул на землю и побежал к бакам у мусоропровода.

Бобик с широко открытыми от удивления глазами замер у подоконника и наблюдал, что же там дальше будет происходить. При этом, конечно, вилял его хвост, и, естественно, из-за жары он ещё и часто дышал. Но ему было очень интересно — неужели Мурзик схватит целую мышь и принесёт ему. Во-первых, зачем ему мышь? Во-вторых, мышку жалко. А в-третьих, как Мурзик может с мышью вскарабкаться по дереву наверх на ветку и потом с ветки прыгнуть в квартиру? Это же и страшно, и опасно.

Поэтому Бобик порывался всё время сам прыгнуть вниз, чтобы помочь Мурзику или отговорить его. Но Бобик понимал, что прыгнуть вниз не сможет, потому что квартира на четвёртом этаже. Это очень высоко.

Бобик стоял и через открытое окно смотрел вниз. Но ему было очень неудобно смотреть, потому что подоконник высокий. Но он боялся запрыгнуть на подоконник, так как запрыгнув, можно было тут же упасть вниз на улицу. Он всё пытался рассмотреть, что там внизу, но ему ничего не было видно. Тогда Бобик спрыгнул передними лапами на пол, подвинул табуретку к окну, встал задними лапами уже на табуретку, а передними на подоконник. Теперь он видел всё очень хорошо.

Он стал внимательно наблюдать, что же происходит около баков. А там неподвижно застыл в траве Мурзик. Совершенно неподвижно. Бобик понял, что Мурзик на охоте. А на охоте всегда надо быть неподвижным, чтобы тебя перестали замечать другие. Уж это Бобик хорошо знал. Постояв на месте, Мурзик медленно и плавно подвинулся вперёд и опять так же замер. Потом он ещё раз подвинулся и опять замер. Но самих мышей ни в траве, ни рядом Бобик так и не видел.

Бобик при этом думал, что Мурзик-то, оказывается, какой интересный. Бобик никогда не видел, как Мурзик охотится. Мурзик ему рассказывал, что он когда-то раньше жил в деревне, там он охотился на мышей, даже на крыс и на птиц. Но Бобик помнил, что Мурзик появился у них ещё котёнком, и он относился к этим рассказам как к кошачьим сказкам. Каждое животное имеет право на свои сказки.

И вот в какой-то момент Мурзик вдруг молниеносно бросился в траву и тут же вернулся назад.

Бобик сначала подумал, что он просто так бросился, потому что он слишком быстро вернулся назад. Но тут Бобик заметил, что в зубах у Мурзика была мышь, которая дёргалась и пищала. Бобик сначала обрадовался, надо же, какой Мурзик — мышь поймал! Но потом Бобик опечалился, потому что не понимал, как можно съесть мышь. Можно есть «Корм для кошек» из жестяных банок, можно есть то, что даёт Тёма или Ася, можно съесть какой-нибудь кусочек мясца или колбаски. Но как можно есть живую мышь?

Эта мысль была ему очень неприятна. Но Мурзик уже возвращался назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.